

М. В. Медоваров

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО,
НИЖНИЙ НОВГОРОД, РОССИЯ

Владимир Игоревич Карпец: становление русского мыслителя и писателя

Аннотация. Статья посвящена выделению этапов эволюции общественно-политических взглядов Владимира Карпца. Показаны условия становления Карпца как мыслителя, преимущественно на раннем этапе его творчества с 1975 по 1995 годы. В качестве источников привлекаются стихотворения, исторические и литературные очерки, издательские проекты, диссертация Карпца. Продемонстрированы способы продвижения мыслителем православных и монархических взглядов в условиях советской цензуры. Рассматриваются классики и современники, повлиявшие на становление Карпца: его отец Игорь Карпец, Пётр Паламарчук, Татьяна Глушкова, Анатолий Иванов, монархисты эпохи перестройки, Григорий Кремнев, Владимир Микушевич, Олег Фомин, Александр Дугин. Рассмотрены все поэтические сборники Карпца и тематика его стихотворений. Уделено внимание его работе как исследователя и преподавателя права, его историко-правовым исследованиям России и Испании. Подробно рассматривается изучение Карпцом жизни и творчества адмирала Александра Шишкова и поэта Фёдора Глинки, прослеживается влияние их литературных и религиозных взглядов на становление Карпца как поэта и мыслителя. Отмечены особенности монархизма Карпца, его акцент на кровную преемственность царского рода, его истолкование советского периода истории как тайного продолжения миссии России как Катехона, Удерживающего. В этом контексте рассматриваются опубликованные фильмы и нереализованные сценарии Карпца 1989–1992 годов: «За други своя»,

«Третий Рим», «Имя», «Ангел жатвы», «Хованщина», «Морок» («Повесть о повести»). Обсуждается эволюция взглядов мыслителя в 1990-е годы, в том числе переоценка события русского церковного раскола XVII века. Рассказывается о деятельности Карпца как переводчика. Дана краткая характеристика последующей эволюции мысли Карпца в 1995–2016 годах.

Ключевые слова: Владимир Карпец, русское православие, русский монархизм, советский консерватизм, Фёдор Глинка, Александр Шишков

Для цитирования: Медоваров М. В. Владимир Игоревич Карпец: становление русского мыслителя и писателя // Ортодоксия. — 2023. — № 1. — С. 102–131. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-102-131

Владимир Игоревич Карпец (1954–2017) всё чаще воспринимается как одна из крупнейших фигур в консервативной мысли современной России, интерес к его обширному наследию постоянно растёт. Вместе с тем многие произведения Карпца¹, особенно ранние, плохо известны широкому кругу читателей и исследователей. В этой связи насущной необходимостью представляется выделение этапов становления его жизненных установок и общественно-политических взглядов, в особенности — выяснение отличительных особенностей раннего этапа. Многие публикации Карпца до сих пор малоизвестны и труднодоступны, поэтому анализ его воззрений тех лет сейчас становится актуален.

Начало самостоятельной творческой деятельности В. И. Карпца было во многом обусловлено как чрезвычайной близостью, так и попытками дистанцирования от взглядов и наследия его знаменитого отца — начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР, генерал-лейтенанта, доктора юридических наук Игоря Ивановича Карпца (1921–1993). Дело не только в том, что фигура отца проходит сквозной линией сквозь многие произведения В. И. Карпца и что от него мыслитель унаследовал свой интерес к правоведению, но и в том, что И. И. Карпец опубликовал более 200 работ,

¹ По правилам русского языка мужские фамилии, оканчивающиеся на «-ец», могут склоняться в двух вариантах: с выпадением гласной и без её выпадения, то есть допустимым написанием фамилии Карпец в родительном падеже являются Карпца и Карпеца. Окончательное решение о варианте склонения, как правило, принимает носитель фамилии. Автор статьи использует вариант склонения Карпца, Карпцом, Карпцу. (Прим. ред.)

в т. ч. свыше 20 книг по юриспруденции и криминологии. В. И. Карпец не смог достичь этой цифры, хотя, безусловно, сборники стихов, прозаические романы и повести, историко-публицистические статьи и расследования следует мерить иной мерой, чем специализированную литературу.

В. И. Карпец родился в Ленинграде в 1954 году, с восьми лет жил в Москве (в связи с назначением отца на высокую должность), окончил одну из лучших школ (№ 31), а затем с отличием юридический факультет МГИМО. Многие моменты личных впечатлений от школы и института можно найти в романах и повестях Карпца его последних лет. Уже в отрочестве, начиная с 1968 года, он вступал в конфликт с московской либеральной интеллигенцией. В старших классах школы Карпец прочитал труды классиков марксизма, работы «еврокоммунистов», сравнил с реалиями советской жизни — и разочаровался в самой идее коммунизма, сочтя её разрушительной для государства. В студенческие годы под влиянием преподавателя Н. Н. Разумовича Карпец начал интересоваться православием, на летних каникулах принял крещение в Сухуми. Кое-что о своём патриотизме этих лет мыслитель рассказывал устами своих персонажей в романах, а также в краткой автобиографии 2006 года, отмечая, например, что во время учёбы в МГИМО он разочаровался в коммунистической идеологии, но Запад его никогда не привлекал (Карпец 2006: 6). Отказавшись вступить в КПСС по окончании института, Карпец лишился возможности поехать в Испанию и поступил в аспирантуру МГИМО по специальности «Международное право».

В студенческий период, к середине 1970-х годов, В. И. Карпец сближается с русским патриотическим крылом комсомола и литературных кругов. Оплотом этих сил было издательство «Молодая гвардия», где будут изданы многие работы мыслителя в 1980-е годы. Первым читателем и критиком Карпца стал его институтский друг, впоследствии известный писатель и исследователь русской литературы Пётр Георгиевич Паламарчук (1955–1998), также сын генерала и внук маршала, ещё в 1973 году выбравший путь православия и монархизма. Карпец и Паламарчук вместе занимались у Н. Н. Разумовича, который давал им читать книги русских религиозных философов из «спецхрана». Вместе они познакомились с творчеством А. И. Солженицына, хотя восприняли его по-разному: Паламарчук — восторженно, Карпец — двойственно и неоднозначно (Карпец 2006: 380–386). О своём идейном повороте Карпец вспоминал: «После окончания института обращение к идее монархии было закономерным: она давала возможность “соединить

несоединимое” — внутреннюю свободу и приверженность государственному порядку, верность истории и открытость новизне. Открывала также и путь мощной художественно-эстетической наполненности» (Карпец 2006: 6).

Ранний этап творчества Владимира Карпца следует начать с его стихотворных опытов (первые опубликованные стихи датированы 1975 годом, хотя он сочинял с детства) и завершить 1995 годом. Тогда был издан последний из его ранних поэтических сборников «У врат незримого Кремля» (антология за 20 лет). В последнем сборнике «Век века» (2016) и на своих сайтах В. И. Карпец в дальнейшем неизменно выделял произведения, написанные до и после 1996 года, в две разные категории. Тогда же, к середине 1990-х годов, как мы увидим, существенно изменится круг исторических и философских предпочтений мыслителя. Нашей задачей является рассмотрение именно раннего этапа становления его взглядов.

Первый стихотворный сборник Карпца «Календарь» увидел свет в 1980 году (Карпец 1980). Вошедшие в него стихи и небольшая «Поэма падающего листа» по-своему замечательны, выдают немалое дарование, но не очень показательны в сравнении с последующими публикациями. Неудивительно, что стихотворения из этого сборника практически не переиздавались автором, кроме нескольких в сильно изменённом виде. Но уже в «Календаре» преобладают христианские мотивы: образы Адама и Евы, Ирода и Саломеи, хора ангелов на небесах, экзистенциальных переживаний души младенца.

Автор предисловия к данному сборнику Е. Винокуров, признавая молодость и неопытность начинающего поэта, сделал важное наблюдение: «Владимир Карпец — поэт “в традиции”, его манере письма свойственно стремление к классическим формам стиха — к законченности и завершённости каждого стихотворения. Ориентир молодого поэта — классическая русская философская лирика: поэзия “любомудров”, Баратынского, Тютчева, Заболоцкого. Вместе с тем это поэзия современная, и это ясно как по интонации, так и по смыслу стихов, представленных в этой книге, в которой канонические формы и образы вырастают как нечто пережитое мыслящим человеком конца XX века» (Карпец 1980: 3).

«Календарь» уже предвещал раскрытие поэтического потенциала автора. Это подтверждают и многие другие ранние стихи 1975–1978 годов, опубликованные лишь сорок лет спустя (Карпец 2016: 42–71), а также первые опыты переводов с испанского в сборниках «Поэзия Кубы» (1980) и «Кубинский рассказ XX века» (1981).

Из известных советских писателей и поэтов Карпцу покровительствовал Анатолий Степанович Иванов (1928–1999). Также он занимался в поэтическом семинаре Татьяны Михайловны Глушковой (1939–2001) при «Молодой гвардии». Однако родители хотели видеть сына специалистом в юриспруденции, а не поэтом. Следующего стихотворного сборника придётся ждать пять лет. Произошли изменения и в семейной жизни: в 1980 году Карпец вступил в брак с М. Н. Голубиной, которая станет его верной помощницей, а впоследствии — переводчицей и специалистом по византийской иконографии.

Творчество Карпца в 1980-е годы развивалось сразу по двум направлениям: историко-юридическому и художественному. В 1981 году в Институте государства и права Академии наук СССР В. И. Карпец защитил кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, доказав, что он не меньше отца способен к академической карьере, которая, однако, не прельщала молодого специалиста. Тема диссертации — «Высшие органы государственной власти Испании в период после смерти Ф. Франко, на этапе становления конституционной монархии» — в ту пору была остро актуальной, но не оставила большого следа в дальнейшем творчестве Карпца. Впрочем, даже здесь молодой учёный нашёл возможность рассказать об истории испанского монархизма в XX веке и прерогативах короля по конституции 1978 года (Карпец 1981: 30–61). Диссертации предшествовали две статьи Карпца об испанской конституции (Карпец, Савин 1979; Карпец 1980), в связи с чем он в шутку называл себя «профессиональным монархистом».

Отказавшись ехать в Мексику, с 1981 года Карпец начинает работать в Институте государства и права и как правовед погружается в русскую историю московского периода (XV–XVII века). В 1984–1986 годах он публикует четыре статьи о государственной идеологии Московского царства, символизме царской власти, её соотношении с местным самоуправлением (Карпец 1984; Карпец Верховная власть... 1985; Карпец Некоторые черты государственности... 1985; Карпец Соотношение централизации... 1986). Карпец пришёл к выводу о наибольшей свободе самоуправления в царствование Ивана IV. Затем он стал одним из соавторов коллективных трудов «Развитие русского права» (1986) и «Институты самоуправления» (1995), в обоих случаях рассматривая Россию (его коллегами написаны главы о европейских странах) (Развитие 1986; Графский, Ефремова, Карпец 1985). Хорошее знание исторических источников по русскому праву и самоуправлению позволит В. И. Карпцу и в дальнейшем преподавать в вузах до последних лет жизни, разрабатывать курсы по истории

государственно-правовых учений, демонстрировать глубокое знание русского обычного права в своих публицистических статьях позднейшего периода. Именно из сравнительно-исторического изучения правовых систем Запада и России мыслитель почерпнул свой любимый тезис о чуждости русскому духу любых писанных «прав», «свобод» и «гарантий». Это станет его кредо на всю жизнь.

Многое могут сказать о взглядах молодого Карпца его публикации тех лет. С 1981–1982 годов он начал писать исследования об А. С. Шишкове и Ф. Н. Глинке. Подготовке биографии Фёдора Глинки и тома его сочинений Карпец посвятил несколько лет.

Глинка как человек, близкий к декабристам и Пушкину, всегда был терпимой фигурой в Советском Союзе, его «Избранные произведения» были опубликованы В. Г. Базановым в 1957 году, однако обширный пласт наследия Глинки в советское время опубликовать было невозможно. Правда, некоторые шедевры ранней религиозной лирики поэта (переложения псалмов, молитвы в стихах) были переизданы Базановым, но его поздняя религиозно-мистическая поэзия («Иов», «Таинственная капля», «Видение Макария Великого») оставалась под запретом.

Стремясь познакомить массового читателя с более полной картиной творчества Фёдора Глинки, В. И. Карпец уже в 1983 году, в крайне неблагоприятных условиях новой волны андроповских гонений на «русскую партию» и патриотические журналы, смог опубликовать в издательстве «Молодая гвардия» научно-популярную книгу о нём. В этой первой монографии молодого автора Глинка предстаёт как типичный для России «поэт-гражданин», хотя и с необычно долгим жизненным путём. Уже на первых страницах книги Карпец отходит от советского канона восхваления декабристов, давая высочайшую оценку генералу Милорадовичу (Карпец 1983: 8–9). Злободневно в 1983 году звучали постоянные инвективы Глинки против пьянства, резкое осуждение США как царства наживы, высказанное им ещё в 1811 году, а также стихотворение «Две дороги», в котором поэт предвидел покорение космоса и гонку вооружений (Карпец 1983: 15–17). Отмечалась консервативная позиция Глинки относительно русского языка, поддержка им лингвистической позиции А. С. Шишкова (Карпец 1983: 21–25, 52–54). Патриотическим пафосом защиты традиционных ценностей, народных святынь пронизаны страницы, посвящённые войне с Наполеоном.

Своеобразна трактовка Карпцом участия Глинки в декабристских организациях. Он изображает офицера как идеалиста, желающего помочь

беднякам и наталкивающегося на глухой отказ либерала Сперанского, далёкого от желания помогать ближним. Карпец признавал факт масонства Глинки, но считал его представителем патриотического, самобытного крыла декабризма, боровшегося против коррумпированных чиновников, чем объясняется столкновение поэта с провокатором Г. А. Перцем (Карпец 1983: 57–60). Там, где иной советский исследователь подчеркнул бы демократизм и революционность Глинки, Карпец настаивал на его реформистских взглядах и верности монархии. Именно эти качества, по его мнению, привели к расцвету глинковской поэзии в период карельской ссылки. Здесь Карпец высказал и своё собственное поэтическое и историческое кредо: «Осмысление исторической судьбы России, ощущение связи жизни вселенской и жизни исторической, неразрывного единства космоса, народа и государства» (Карпец 1983: 71). Не мог упустить он и восхваления подвига Сусанина и достоинств первых Романовых.

Под знаком этого традиционного русского, не советского патриотизма были выдержаны последние главы книги Карпца. Он одобрял путь Глинки, который «от рассудочной тёмной мистики пришёл к живому народному чувству» (Карпец 1983: 76). Славянофильствует Фёдор Глинка в 1840-е годы — и славянофильствует вместе со своим героем Карпец, пусть и ссылаясь под давлением цензуры на слова А. И. Герцена. Переходит в последние годы жизни Глинка к углубленным религиозным созерцаниям космической жизни — и молодой исследователь и поэт вновь следует за ним. Вполне разделяет он нападки старика Глинки на реформы 1860–1870-х годов и буржуазный строй. Книга Карпца получилась поразительно религиозной и несоветской для того времени, когда она была издана.

В 1987 году Карпец смог реализовать свою мечту и издать давно подготовленный новый том сочинений Глинки со своим послесловием и комментариями (Глинка 1986). Послесловие объёмом в двадцать страниц было написано ещё до книги 1983 года, но отличается от неё рядом деталей, например резким выпадам против Ротшильдов и международных финансовых сетей (Карпец И мне равны... 1986: 317) и похвалой А. Ф. Лосеву (Карпец И мне равны... 1986: 327). «Глинка предсказал выход человека в космос и одновременно возможность самоуничтожения... Но деятельная любовь к родине всегда определяла и его жизнь и его писательство» (Карпец И мне равны... 1986: 309), — эти слова в полной мере относятся и к самому Карпцу, у которого упомянутые глинковские мотивы отчётливо слышны в «Космоплавателе» и стихотворениях о времени, а также в публицистических и религиозно-философских работах о расколе.

Интересно посмотреть на то, как работал Карпец с текстами Глинки. Примерно две трети стихотворений он перепечатал из базановского издания, некоторые — из различных антологий русской поэзии. Почти всегда давалась ссылка на первую публикацию. В ряде случаев Карпцу приходилось обращаться к рукописным автографам в РГАЛИ («Умней Европа — я не спору...», «Буква и дух») и в Калининском (ныне Тверском) областном архиве («И жизнь мировая потоком...»). Следует отметить, что ряд произведений Глинки и после этого долгое время оставался в рукописи: например, лишь в 2013 году увидела свет поэма «Видение Макария Великого» с резкой критикой научно-технического прогресса.

В комментарии к стихам Глинки Карпец включил некоторые разъяснения православного вероучения (Карпец И мне равны... 1986: 309). В этой книге впервые в советское время была опубликована поэма Глинки «Карелия», посвящённая восшествию на престол династии Романовых, что, конечно, было сознательным выбором Карпца, равно как и первое за почти 130 лет издание отрывков из «Иова». Были напечатаны и некоторые антиинигилистические стихи поэта. Даже в отношении военной прозы Глинки Карпец сделал крупный шаг, издав заметки о взятии Парижа в 1814 году, опущенные в предыдущих советских изданиях (Глинка 1986: 255–308).

Следующим героем исследования молодого Карпца стал адмирал А. С. Шишков. Он уже упоминался в книге о Глинке, но лишь в 1987 году цензурные условия позволили издать давно написанную монографию о нём. В наши дни трудно представить себе новизну и смелость, с которой В. И. Карпец заговорил об этом человеке, подвергавшемся очернению на протяжении полутора веков. К тому времени лишь в США вышла первая работа о нём М. Г. Альтшуллера, а в Советском Союзе наследие Шишкова никого не интересовало. Карпец оказался первопроходцем. Его книга «Муж отечестволюбивый» (1987) представляет собой популярный очерк (Карпец 1987). Велика заслуга автора в том, что теперь А. С. Шишков — одна из самых изученных фигур в русской общественной и научной мысли, излюбленная историками и филологами. За рубежом ему посвящены глава в фундаментальной книге А. Мартина (Мартин 2021: 26–71) и новая расширенная монография М. Г. Альтшуллера (Альтшуллер 2007), в современной России — десятки страниц в прорывной книге А. Ю. Минакова (Минаков 2011) и две кандидатские диссертации (Гребенщиков 2019; Полежаева 2019). Однако почти все эти авторы не упоминают Карпца и его труд. Лишь американец А. Мартин

в 1997 году высокомерно заметил: «Написанная В. И. Карпцом в откровенно шовинистическом духе биография Шишкова говорит об убеждении некоторых русских исследователей, что ранний консерватизм даёт пищу для размышлений о российских проблемах конца XX — начала XXI века» (Мартин 2021). Эти слова могут звучать как похвала автору-первопроходцу.

Особняком стоит труд специалиста по церковнославянской словесности А. М. Камчатнова (Камчатнов 2018), впервые опубликованный в 2014 году. Это книга не историческая, а филологическая, вскрывающая всю глубину лингвистических интуиций Шишкова, на десятки лет опередившего своё время и потому непризнанного. Если вышеупомянутые историки показали огромную роль адмирала в политической истории России первой трети XIX века, почти не упоминая Карпца как их предшественника, то Камчатнов подробно остановился на «Муже отечестволюбивом». По его словам, Карпец «в общем с большой симпатией относится к своему герою, но в его мировоззрении он акцентирует внимание на тех сторонах, которые соответствуют неопочвеннической идеологии журналов “Наш современник” и “Молодая гвардия”» (Камчатнов 2018: 270). Камчатнов сделал акцент на антибуржуазной, консервативной интерпретации Карпцом борьбы президента Российской академии за самобытность русского языка и русского народа: «Под пером Карпца Шишков превращается в глашатая русской вольности и народных прав, которые во всём противоположны буржуазной свободе и гражданским правам» (Камчатнов 2018: 270). А. М. Камчатнов разглядел у Карпца признаки учения о грядущем Антихристе, одним из предтеч которого (несовершенных ввиду слабого технического уровня той эпохи) был Бонапарт: «Смысл русского противостояния Наполеону заключался в том, чтобы отстоять право каждого народа на самобытную культуру и историю от покушений со стороны мировой закулисы похитить это право и установить новый мировой единообразный, казарменный порядок» (Камчатнов 2018: 271).

Что касается лингвистической стороны вопроса, то Камчатнов сожалеет, что Карпец, подобно другим авторам, считал ошибочными этимологии Шишкова, хотя и ценил глубину его поэтических прозрений в корнях слов (впрочем, часть соответствующей главы из книги Карпца была изъята цензурой). В действительности большинство шишковских «корнесловий» (хоть и не все) оказались верными. В завершение, противопоставляя труд Карпца очернительской в отношении Шишкова литературе, известный филолог отмечает: «Если книга М. Майофис — это манифест

постсоветской либеральной интеллигенции, то книга В. Карпца — это манифест неопочвеннической интеллигенции эпохи горбачёвской “перестройки”; степень мифологизации исторических персонажей у обоих авторов приблизительно одинакова» (Камчатнов 2018: 271). То, что фактически книга была написана ещё при Андропове, сути дела не меняет. Не нужно только забывать, что Карпец был первым, кто проложил путь к современному адекватному научному познанию наследия А. С. Шишкова.

Особенность книги Карпца об адмирале заключалась в том, что она вышла ещё в «подцензурный» период, но в 1987 году было уже возможно прибегать к более смелым патриотическим формулировкам, без постоянных ссылок на классовый подход. «Нельзя творить новую жизнь, не зная прошлого, всего того, что сделало Россию и русский народ великими», — говорил автор в предисловии (Карпец 1987: 5). Однако Карпец был вынужден внедрять в текст книги свои православные и монархические симпатии слегка прикровенно. Например, в конце книги он был вынужден опустить слово «Бог», которым её планировалось завершить (Карпец 1987: 92). Яростную критику французской революции и буржуазного капитализма с традиционалистских позиций мыслитель прикрывал цитированием Маркса и Энгельса (Карпец 1987: 18), но это не помешало ему прославить Павла I, который вёл себя «не как русский царь, а скорее как средневековый гибеллинский король» (Карпец 1987: 17). (В более зрелые годы Карпец останется почитателем Павла I, но будет выражаться иначе и ценить его за другие деяния.)

Говоря о реформах Александра I, Карпец выражал симпатию «старикам» Державину, Мордвинову, Троцинскому, противопоставляя их масонским доктринам Негласного комитета и круга Сперанского. Критика «классовых интересов буржуазии», нападки на «усиливавшееся во всём мире стремление буржуазии — банкиров и промышленников — к мировому господству» велись Карпцом не с марксистских, а с традиционалистских позиций (Карпец 1987: 66). Либералов-западников мыслитель бранил в резких выражениях, обвиняя в самоуверенном диктате: «Ведение спора противниками “варварства” — самое что ни на есть варварское, тираническое, и “просветителями” — самое непросвещённое» (Карпец 1987: 34). Действуя в условиях запрета на критику коммунизма как такового, автор заменял её при удобном случае нападками на «казарменно-коммунистические эксперименты Троцкого» (Карпец 1987: 63). Однако, поскольку в том же предложении Карпец излагал православное апостольское учение о России как многовековом Катехоне, Удерживающем мир от «тайны

беззакония» (Карпец 1987: 62), в его подлинных политических симпатиях сомневаться было невозможно. Важно подчеркнуть: в отличие от «непримиримых» антисоветских представителей РПЦЗ, Карпец уже в конце 1980-х годов полагал, что катехоническая миссия таинственно сохранилась за Россией и в советское время: «Изменив свой общественный и государственный строй, она осталась “удерживающим” и поныне. <...> Так было и будет до тех пор, пока соль не потеряла свою силу» (Карпец 1987: 63).

Делая иногда оговорки об объективном изучении наследия Шишкова и о его перегибах в желании быть «народнее народа», Карпец всё же не скрывал симпатии к его языковым исследованиям и борьбе с вестернизацией русской культуры. Карпец в русле тогдашних почвенников, «деревенщиков» горячо выступил в защиту русского слова, этимологических исследований, собирания и изучения фольклора. Когда же речь заходила о звёздном часе Шишкова как автора царских манифестов в период Отечественной войны, исследователь выступал с позиций надклассового патриотизма, даже не упоминая марксистско-ленинские оценки. Победу над Наполеоном в 1814 году Карпец характеризовал как победу идеи многообразия антибуржуазных культур, «цветных истин» над глобализмом как попыткой силой насадить во всём мире единообразные «права человека». Мыслитель делал остро актуальный для горбачёвской эпохи вывод: «Единообразие это в конце концов должно завершиться провозглашением всемирного государства, в котором все оттенки человеческой культуры должны быть заменены единообразной организацией жизни и, в качестве конечной цели, установлением всемирной диктатуры, и тогда отжившая и выполнившая своё назначение “свобода” будет выброшена на свалку. Именно это понимание свободы нёс миру Наполеон, хотя мечта его была явно несбыточной — в то время для осуществления её не было ещё подходящего уровня промышленности, техники и общественных отношений, и самое главное, не были разрушены “свободным обменом информацией и идеями”, как сегодня говорят новоявленные искатели мирового господства, исторически сложившиеся границы между государствами и народами» (Карпец 1987: 59). Карпец прозрачно намекал на то, что и в высших эшелонах власти России часто находились пособники этих планов. Он прямым текстом говорил о масонских ложах и Библейском обществе как формах реализации глобалистского заговора и воспринимал М. М. Сперанского как пророка Антихриста (Карпец 1987: 71–78). Чтобы оправдать перед советской цензурой апологию победы православной оппозиции в 1824 году над голицынским мистицизмом и назначение

Шишкова министром просвещения, Карпец прибегал к ссылке на авторитет Пушкина (Карпец 1987: 83–84). Он выводил из «шишковизма» языковые взгляды А. С. Грибоедова, С. Т. Аксакова, В. И. Даля и даже революционных демократов, умело подбирая цитаты В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, В. И. Ленина в защиту чистого русского языка (Карпец 1987: 90).

Книги о Шишкове и Фёдоре Глинке, с поправкой на условия советской цензуры и требования некоторых ритуальных ссылок и фраз, отражают общественно-политические взгляды Карпца 1980-х годов. Его возросшую умелость как литературного редактора демонстрирует изданный той же «Молодой гвардией» сборник статей «Осмысление» (1989). Для него Карпец отобрал критические статьи о русской литературе нескольких молодых авторов, включая П. Г. Паламарчука. В предисловии он оговорился, что во многом не согласен с авторами статей, и призывает их к более взвешенным оценкам, однако сознательно даёт им слово, выпукло представляя разнообразие мнений ради главной цели — демонстрации подспудных, глубинных мотивов в отечественной словесности (Карпец Но корнем вглубь 1989).

На закате «перестройки» Карпец примкнул к кругу тогдашних правых монархистов, сформировавшемуся с 1988 года из трёх человек и выросшему за год до заметной организации сторонников канонизации Николая II — Союза «Христианское возрождение» (СХВ). В этот круг входили С. В. Фомин, Л. Е. Болотин, Л. Д. Симонович-Никшич, А. А. Широпаев, В. К. Дёмин, А. А. Зеленин, А. А. Щедрин (Н. Козлов). В дальнейшем, после «перестройки», произойдёт размежевание между многими из этих фигур, выбравшими подчас диаметрально противоположные пути. В 1989 году Карпец вошёл в Думу СХВ, в начале 1990 года по его предложению новой газете Союза было дано название «Земщина», а позже — журнала «Царь-колокол» с приложением «Тайна беззакония». Карпец вспоминал: «Когда началась перестройка, мне довелось воспринимать её как пролог к мирному и естественному — как тогда казалось — переходу к монархии, без разрушения страны, без ломки государства и государственных учреждений. Вышедшее тогда вовне... монархическое движение было мной воспринято как шанс. Единственный и последний. Я ошибался» (Карпец 2006: 6).

С 1989 года Карпец впервые получает возможность публиковать открыто свои православно-монархические статьи. Их детальный анализ требует отдельного исследования: эти работы содержат некоторые интересные подробности, но в целом ещё не выходят за рамки популярных

тогда лозунгов православного возрождения России и созыва земского собора под эгидой Церкви для определения формы правления. В 1991 году, отвечая на анкету «Нужна ли России монархия?», Карпец вслед за К. Н. Леонтьевым переворачивает вопрос и ставит под сомнение, нужна ли настоящему монарху такая больная, распадающаяся Россия (Карпец 2006: 105), хотя и выражает надежду на её спасение. При этом мыслитель никогда не признавал прав ветви Кирилловичей на императорский титул и трон.

Ещё большее значение для характеристики взглядов Карпца в 80-е годы имеют его стихи. Поэзия для него, как в своё время для Пушкина и Тютчева, была наполнена метафизическими, историософскими прозрениями. Хотя многие стихотворения и поэмы будут опубликованы позже, даты их написания — конец 70-х и 80-е годы — позволяют объёмно воссоздать мир представлений автора этой поры. В 1985–1987 годах стихи и рассказы Карпца публиковались в ряде журналов и в сборниках издательства «Современник» («День поэзии», «Весенние голоса», «На тебя и меня остаётся Россия»), однако мы ограничимся рассмотрением отдельных авторских сборников.

Сборник «Свет над нами» (Карпец, Фокин 1985: 4–36) был опубликован в 1985 году под одной обложкой со сборником Валерия Геннадьевича Фокина «Автобус из глубинки» (ныне Фокин — один из ведущих поэтов-почвенников современной России). «Свет над нами» был ещё подцензурным и поэтому не слишком показательным сборником, хотя по сравнению с «Календарём» он представлял уверенный шаг вперёд. В нём преобладают темы связи с предками, родом, с наследием Великой Отечественной войны. Немало здесь зарисовок из ленинградского детства и московской юности поэта. В «Свете над нами» более ярко, чем в ранних стихах, представлена и грибная тема, которая навсегда станет одной из ключевых в его творчестве. Воспевание лесной тишины, океана природы перерастает подчас в ощущение поступи русской истории. Отвергая идеи либеральной интеллигенции, Карпец задушевно обращается к современнику: «Забудь про земные свободы, / Но ухо к земле преклони — / Услышишь подземные воды, / Шумящие здесь искони. / Услышишь — восходят из гари / Потомки родов и племён / От плотника до государя, / Издревле — до наших времён» (Карпец, Фокин 1985: 17).

Следующий поэтический сборник Карпца, «Утро глубоко», выйдет лишь в 1989 году и включит в себя всё то, что ранее не могло быть опубликовано (Карпец Утро глубоко 1989). Прежде всего, это три поэмы:

«Голованов» (1985) о теме Михаила Романова и восстановления монархии, «Новый Иерусалим» (1986) о размышлениях патриарха Никона над судьбами Третьего Рима и «Татьянин день» (1986), в которой за облищем бытовых и семейных проблем советской интеллигенции вновь проскальзывают темы и Романовых, и Никона.

Среди стихотворений, вошедших в «Утро глубоко», вновь преобладает тема преемства от предков, исторической традиции, своего обращения к православию («На Шуваловском погосте...»). Звучит тема ядерной войны, популярная тогда и звучащая неожиданно злободневно сейчас («Снег во сне»). Значителен исторический цикл стихотворений: зарисовки Боровска, Звенигорода, Новгорода. Здесь же — консервативная оговорка: «Я совсем не жалею, поверь, / Что не взмыли, как лёгкие птицы, / Что не вышла свободная Тверь / В европейские грады-столицы» (Карпец Утро глубоко 1989: 19). Стихи «Самозванец под Москвой» и «Верховники», три стихотворения об Отечественной войне обращаются к теме молчащего «народного моря», носителя русской самобытности. Примечательно стихотворение «Шишков в 1812 году» — квинтэссенция соответствующей книги Карпца с рассуждением о значении славянских букв, осмысленных через корнесловие (Карпец Утро глубоко 1989: 30).

Немало в сборнике «Утро глубоко» стихов, нацеленных на либеральную интеллигенцию, уже открыто перешедшую к работе по развалу России. Зачастую они демонстративно подражают по форме соответствующим произведениям А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Ф. Н. Глинки. Одно из наиболее впечатляющих — «19 февраля 1855 г.» (1984), по совету Т. М. Глушковой из-за цензурных соображений вложенное в уста шефа жандармов Л. В. Дубельта. Стихотворение написано в форме пророчества после кончины Николая I о том, что если реформаторы «разморозят» Россию и обещают судить «по закону и праву» (западного образца), то страна погибнет (Карпец Утро глубоко 1989: 34). Это предупреждение, актуальное и в годы реформ Александра II, и в годы хрущёвской «оттепели», прозвучало особенно трагично в годы «перестройки». Специально против «оттепели» направлено и одноимённое стихотворение Карпца: «Чем меньше оттепелей средь зимы, / Тем больше светлой радости в апреле. / Но о грядущем забываем мы / Под звон несвоевременной капли» (Карпец Утро глубоко 1989: 45).

Этот звон поэт чувствовал заранее. В ноябре 1982 года, после смерти Л. И. Брежнева, Карпец написал короткое историософское стихотворение о России на очередном распутье: «Целовать ли кнут заморской воли / Иль

до белых звонниц добрести? / Выйди да спроси у ветра в поле / Об итоге русского пути. / Что в грядущем — правда или право? / Нет ответа. Только крик ворон... / Спит в снегах великая держава. / Воют ветры с четырёх сторон» (Карпец Утро глубоко 1989: 41). Приведём другой актуальный, как будто написанный про наши дни пример антилиберальной лирики по пушкинскому образцу: «Какие права? Вы о чём вперебой говорите? / <...> Вон сколько веков вы Россию правами корите... / <...> О чём вы шумите — о громких правах человека? / О праве уехать и сплунуть — мол, всё это весь? / Куда я уеду? — я жил и живу здесь от века, / А те, кто уедут, — их вовсе и не было здесь» (Карпец Утро глубоко 1989: 38). «Перестройка» для Карпца — это «оползень», время, когда «в потёмках уже закипевшего ада... шумно бушует взревшее право на ад» (Карпец Утро глубоко 1989: 38).

Из неопубликованных в то время стихотворений программный характер имеет «Краткий курс» (1986), в сжатой форме, с отсылками к Пушкину, Тютчеву и Тургеневу метко характеризующий сущность новейшей российской истории. Отличительной чертой этого произведения является убийственный для лицемерного гуманизма и прогрессизма советской интеллигенции приговор: «Чтобы навеки обесславить / Тоскливо многовековой / О счастья всесветный вой, / И часть шестую вновь восстановить, / Где б варвар мог прийти и править / Конём над бездной мировой» (Карпец 2016: 96).

При всём том «Утро глубоко» — сборник, прежде всего, метафизический, философский. Темы природы, политики, истории в нём подчинены ведущей идее о непрерывном жизненном потоке, частью которого ощущал себя поэт. Именно за эту идею ему полюбились стихотворения Фёдора Глинки, именно она просилась теперь выразить её иным языком. Поэтому в те дни Карпец обращается к другому, «важнейшему из искусств»: в годы развала Советского Союза он неожиданно пробует себя в новой профессии — автора сценария и режиссёра нескольких фильмов. Сначала он пишет сценарий для фильма В. И. Виноградова «За други своя» — о роли Церкви в Великой Отечественной войне (здесь впервые в Советском Союзе Карпец обратился к теме демонического оккультизма нацистской Германии); этот фильм занял второе место на первом в СССР конкурсе православного кино. Затем совместно с Г. Николаевым (Г. Б. Кремневым), ныне одним из авторитетных знатоков русской общественной мысли и православной эсхатологии, Карпец на волне общественного интереса к возрождению православия с декабря 1989 года по заказу Ленинградской митрополии приступает к работе над картиной «Третий Рим».

Первоначальный сценарий, во многом полемичный к концепции Третьего Рима П. Г. Паламарчука, будет позже опубликован с комментариями обоих режиссёров (Карпец, Николаев 1994). Предполагалась яркая кино-публицистическая работа об идее русской монархии от старца Филофея и патриарха Никона, через убийства Павла I и Александра II и 1917 года вплоть до нашего времени (ср. с утверждением о сохранении за Россией миссии Катехона в книге о Шишкове), с обширным закадровым комментарием и разъяснением основ православного учения об эсхатологической роли монархии. Именно таким фильм хотели видеть в Ленинградской митрополии, которую в 1990 году возглавил владыка Иоанн (Снычев). Однако в процессе съёмок и долгих обсуждений два режиссёра лишь к 9 октября 1991 года (дню памяти апостола Иоанна Богослова) доводят дело до конца, сняв совершенно другой по существу фильм (54 минуты), на ином киноязыке. Он существенно отличается от сценария, что представляется закономерным на фоне бурных перемен в стремительно гибнущей стране. Первоначально запланированное чтение закадрового текста почти полностью исчезло: зачитывают только цитату из апостола Павла об Удерживающем, пророчество из книги С. А. Нилуса и цитату о сне патриарха Никона, и возвращённое из «небытия» библиотечных полок ныне хорошо известное пророчество VII века «Откровение Мефодия Патарского». На первый план вышли зрительные киноцитаты, доступные не всем. Доминанту в «Третьем Риме» стала задавать музыка Мусоргского, Шостаковича, Брамса. Особую роль сыграла удивительная по своей выразительности работа оператора фильма — Григория Ларина.

Получившийся фильм не смог удовлетворить продюсеров, представивших митрополию; визуальный ряд, появление чёрного экрана вызвало недоумение. В итоге авторские права на «Третий Рим» приобрёл Советский фонд мира Анатолия Карпова, сразу же безвозмездно передавший их Карпцу. «Третий Рим» получил приз Московского международного кинофестиваля. Однако нужно учесть, что это сложное, авторское, художественное неигровое кино, в котором съёмки ключевых исторических мест России (от Ново-Иерусалимского монастыря, Михайловского замка и храма Спаса на Крови до станции Дно под Псковом, Ипатьевского дома, Оптиной и Дивеева) чередуются с кадрами кинохроники. Смысл фильма — в утверждении единства России во времени и пространстве, через все трагические эпохи её истории. Здесь Карпец заявил о том, что разрыв симфонии священства и царства при патриархе Никоне обусловил

революционную катастрофу: семнадцатый век породил семнадцатый год. Однако на тот момент мотив старообрядчества в фильме не звучал. Это, впрочем, не означало чёрно-белой картины мира: она осталась трагически раздвоенной. В те годы Карпец увлёкся мыслями К. Н. Леонтьева о неизбежности страданий и трагизма в судьбах человеческих, и этот настрой ощущается в «Третьем Риме».

Одновременно в 1991 году Карпец выпускает короткометражный фильм «Имя» (24 минуты; снят на видеокамеру), основанный на подборке нарезок из советской кинохроники и осмысляющий трагедию XX века для России. В конце фильма звучит старообрядческое знаменное пение, интерес к которому впервые пробудился у Карпца.

В 1992 году Карпец и Кремнев в числе нескольких соавторов сценария готовят третий фильм, но на сей раз Карпец выступает как единственный режиссёр. Фильм, получивший название «Ангел жатвы» (45 минут), насыщен глубоким символизмом. Кадры Москвы и Петербурга символизируют духовное путешествие между двумя столицами. Темы Петра I и Николая II, первого и последнего императоров, поданы через образы двух царевичей Алексеев: в сценах, взятых из романа Д. С. Мережковского «Пётр и Алексей» (из трилогии «Христос и Антихрист»), за кадром звучат голоса заглавных героев романа в исполнении Алексея Петренко и самого режиссёра. В «Имени» представлена и киноцитата из Е. Л. Шифферса — режиссёра и мыслителя, с которым Карпец познакомился в 1991 году.

В процессе работы над этим фильмом Карпец погружается в знакомую ему с детства стихию музыки, использует симфонии и вокальные циклы Г. Малера, композиции Н. К. Метнера, А. фон Веберна, С. А. Губайдулиной, исследования старообрядческого крюкового пения, музыковедческие работы А. Ф. Лосева. Всё это будет ярко представлено в последующих романах и статьях мыслителя. Свой опыт в кино он сам назовёт неудачным (Карпец 2006: 7), хотя не раз будет сожалеть, что не окончил режиссёрские курсы и не продолжил снимать фильмы.

Для внутреннего становления взглядов мыслителя поворотную роль сыграла попытка в 1992 году снять фильм по опере М. П. Мусоргского «Хованщина» с элементами фантастики. Главные партии должны были исполнять певица Лина Мкртчян и уже упомянутый Алексей Петренко. Мусоргский — потомок «неслужилых» Рюриковичей — навсегда станет для Карпца ключевым русским композитором, вплотную подошедшим к разгадке тайны всей истории России, но не успевшим разрешить её до конца. Как отмечает Н. Ганина, уже в 1920-е годы любая постановка

«Хованщины» становилась вопросом политическим. Именно так понимал свою задачу и Карпец. После кровавого октября 1993 года он сказал Ганиной: «Если бы мы поставили “Хованщину”, “октябрьских событий” не было бы»². Примечательно, что Карпец хотел снимать фильм в московских подземельях со свечами — и именно по этим подземельям спасались некоторые защитники Белого дома: вместо фильма-оперы Москву потрясла настоящая, устроенная Ельциным новая «хованщина». С тех пор Карпец, в чём пришлось убедиться лично и нам, верил в «действенность действия», в возможность при помощи теургической игры в кино и театре изменить реальный ход истории (мысль, присущая таким классикам, как поэт Вячеслав Иванов и Мирча Элиаде). В случае «Хованщины» речь шла о попытке повернуть Россию на другой путь...

Фильмы В. И. Карпца, забытые в 2000-е годы, обретут новую популярность после их оцифровки в 2016 году. Опыт написания сценариев тоже пригодится мыслителю. Его новый, неосуществлённый сценарий «Морок» в 1998 году будет переделан в первую художественную повесть Карпца — софиологическую и в то же время мистико-фантастическую «Повесть о повести» (Карпец 1998), финал которой написан под влиянием мотивов из творчества Е. Л. Шифферса. Из неё как из ростка позже вырастут его романы и повести последующих двух десятилетий.

В 1995 году выходит небольшой сборник стихов Карпца «У врат незримого Кремля» (Карпец 1995). В нём были собраны некоторые стихи за предыдущие 20 лет, но без указания дат. Тем самым поэт подводил итоги раннему периоду своего творчества как единому целому. Часть стихотворений и поэм в этом сборнике была перепечатана из предыдущих трёх сборников с некоторыми изменениями (в том числе поэмы «Голованов» и «Новый Иерусалим»); и, наоборот, несколько напевных мелодий («Телефонный романс», «Тень Кремля») отсюда войдут позже в состав «Повести о повести». Новые стихи начала 90-х годов легко отличить по уникальному приёму Карпца: завершению строки союзом, предлогом или вырванной из слова приставкой, с продолжением слова на следующей строке.

Среди впервые опубликованных стихотворений необходимо выделить те, где вновь господствует тема русской исторической преемственности, связи времён. Например, в стихотворении, обращаемся

² Ганина Н. «Хованщина» // Исторический музей «Наша эпоха». Русское царство. — URL: <http://nashaepoha.ru/?page=obj62011> (дата обращения: 14.03.2023).

к опыту старообрядческих «гарей» XVII века, говорится: «Где меж Стенькой и Лениным звенья, / И под Жуковым топот коня — / Всё пронзит во едино мгновенье / Электрическим током меня» (Карпец 1995: 5). Всё чаще в сборнике «У врат незримого Кремля» слышатся мотивы православной мистики: видения ангелов, старцев, образы конца света, последнего папы римского, последнего царя, Богородицы (Карпец 1995: 8, 12, 20, 36–38, 41, 44). Неоднократно всплывают темы монархии (священного царства) и, соответственно, сатанинской, оккультной роли Ленина (Карпец 1995: 24). Ещё больше стихотворений 1978 и 1983–1986 годов о восстановлении Русского царства будет опубликовано позже, в конце жизни поэта (Карпец 1995: 83–86, 99–100), но они написаны в том же духе, что и вошедшие в «Утро глубоко».

В развитие шишковского корнесловия написано стихотворение «Голова на блюде», посвящённое современному мастеру слова и звука — В. Б. Микушевичу (род. 1936) (Карпец 1995: 38), лекции которого в ИЖЛТ (Институт журналистики и литературного творчества) Карпец посещал в 1993–1995 годах. К этому времени Карпец начинает интересоваться грандиозным романом «Новый Платон, или Воскресение в Третьем Риме», над которым в те годы работал Микушевич; они начинают сотрудничать и в качестве переводчиков. Песня «А мы видели диву-дивную...», написанная по другому поводу, предвосхищает тексты Карпца и Микушевича, которые О. В. Фомин (1976–2017) положит на музыку и будет исполнять во главе группы «Злыдота» (Карпец 1995: 41). На данном примере виден переход к новым мотивам и темам, которые станут у него ведущими в последующие два десятилетия. К источникам поэтического вдохновения Карпца, в частности, в эти годы добавляются стихи «обэриутов», особенно А. И. Введенского.

После 1993 года в жизни В. И. Карпца происходят заметные изменения. Забросив режиссуру и уйдя из Института государства и права, он несколько лет работал дворником и грибником, испытывая нехватку материальных средств и боль за крушение страны. С 1994 года он начал зарабатывать переводами (в основном с французского) для издательств «Беловодье», «Энигма», а в 2000-е годы — «Амфора». Среди авторов, которых он переводил либо чьи переводы редактировал, — алхимики (Василий Валентин, М. Майер, Фулканелли, Э. Канселье, К. д'Иже), мистики и эзотерики (У. Блейк, С. де Гуайта, Р. Генон, Ю. Эвола, Ф. Бертен, Ж. Парвулеско). Работа над ними сформировала представление Карпца о том, что католики ввиду отсутствия полноты таинств, присущей православию, пытались

восполнить свою духовную недостаточность алхимическими и эзотерическими практиками, многие из которых Карпец не одобрял.

С конца 90-х годов он начинает преподавать в Высшей школе экономики на вновь созданном факультете права, на кафедре теории и истории права, где читал лекции и писал академические программы по таким предметам, как история государства и права России, история политических учений, история России и даже римское право. Несмотря на репутацию ВШЭ как либерального вуза, Карпец всегда находил единомышленников среди студентов.

В 1990-е годы Карпец по-прежнему оставался и публицистом, и правоведом, и поэтом, но его образ мыслей и их выражения существенно углубляется и обогащается. Он знакомится с западным традиционализмом (в 1996 году перевёл «Метафизику пола» Ю. Эволы), с 1995 года начинает публиковать статьи и прозаические рассказы в альманахах Артура Медведева «Волшебная гора» и Олега Фомина «Бронзовый век». С 1994 года в жизни и творчестве Карпца появляется такая доминанта, как чудесная деревня Вековка во Владимирской области, ставшая смысловым центром многих его сочинений (Карпец 2006: 106–116), особенно в период работы над переводами сочинений по алхимии.

В эти годы Карпец глубоко знакомится со старым обрядом и единоверием, всё более остро переживает трагедию раскола XVII века, начинает существенно пересматривать оценки Смутного времени и первых Романовых. Он дважды переделывает поэму «Новый Иерусалим», изменяя оценку патриарха Никона на более трагическую и критическую. Незадолго до кончины Карпец скажет: «Историческая оценка тех событий по сравнению с 1986 г. ... сильно изменилась (кстати, пожалуй, она была единственной из “жизненных оценок”, которая изменилась» (Карпец 2016: 2). По мере переосмысления Никоновой реформы как смены восприятия времени рос интерес мыслителя к философии времени, когда-то пробуждённый ещё «Часомером» Фёдора Глинки. Карпец вспоминал: «На протяжении всех 90-х годов автору довелось пройти через своего рода экзистенциальный кризис и пересмотр большинства прежних подходов» (Карпец 2006: 7). Надежда на быстрое восстановление монархии в России рухнула в 1993 году, и мыслитель выбрал путь кропотливой работы по «исправлению имён» и возврату страны к традиционным ценностям.

В 2002 году Карпец становится прихожанином единоверческих храмов: сначала св. Николая на Берсеневке, затем Михайловской слободы, а в последние годы жизни — Покровской церкви в Рубцове.

Середина 2000-х годов — апогей творческой плодовитости В. И. Карпца, его акме. В этот период он сотрудничает с молодым поколением православно-патриотических деятелей (О. В. Фомин, С. В. Чесноков, А. В. Елисеев, И. С. Бражников). В 2005–2006 годах выходят две его книги необычайно глубоких историко-философских исследований, в которых дерзкие гипотезы о Меровингах и Рюриковичах сочетаются с размышлениями о природе времени и «множественности потоков времени» (Карпец 2005; Карпец 2006). В то же время в состав этих книг вошли и более ранние работы. Так, отдельные главы «Руси Мироевовой» были впервые опубликованы в 1998 году в составе третьего издания знаменитого сборника «Россия перед Вторым Пришествием» (составители Сергей и Татьяна Фомины), а в книгу «Русь Меровингов и корень Рюрика» вошли шесть статей Карпца эпохи «перестройки» (Карпец 2006: 11–131) и новая краткая автобиография (Карпец 2006: 5–10).

На 2007–2009 годы приходится пик публицистической активности Карпца на различных сайтах, таких как «Правая.Ру», в авторитетном «Политическом журнале», в газете «Завтра». Каждая его статья о текущих событиях наполнена метаисторическим осмыслением. К этому времени Карпец, сблизившись с А. Г. Дугиным, становится одним из почётных наставников Евразийского движения, читает публичные лекции, изредка появляется на телепередачах, даёт интервью. Помимо ВШЭ, в 2009–2014 годах он благодаря Дугину преподавал также на социологическом факультете МГУ. В 2011 году на всемирном конгрессе «Against Post-Modern World» в Москве Карпец общался с крупнейшими светилами западноевропейского и исламского традиционализма.

Начав в юности с размышлений о своих предках и роде, писатель всё глубже погружается в тему крови и генетики как факторов всемирной истории, изучая то немногое у русских (В. В. Розанов, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев) и зарубежных (Юлиус Эвола, Александр де Дананн, Жан Рейор, Жан Парвулеско) авторов, которые приносили тему «тайны крови» и «философии пола» в историософию. Неслучайно любимой поэмой А. С. Пушкина у Карпца был неоконченный историко-генеалогический набросок «Езерский». Всё это позволяет мыслителю вплотную заняться историями династий, которые он считал ветвями одного Царского Рода. «Проблема восстановления монархии... сменилась другими темами, в том числе и поисками в истории истинного царского рода и преемства, обращённого не столько во время, сколько в движущуюся вечность, эон», — скажет Карпец о себе (Карпец 2006: 7). Он начнёт говорить об

«обращении от истории к метаистории, от политики к метаполитике, к множественности состояний бытия» (Карпец 2006: 7).

После 2011 года в связи с травмой в результате ДТП и по мере общего ухудшения здоровья творческая активность Карпца несколько снижается, и даже зачёты у студентов он был вынужден принимать в больнице.

Важной вехой стало издание в 2014 году сборника социально-политических и церковных статей мыслителя под названием «Социал-монархизм» (Карпец 2014). Составление этого сборника, распределение работ по темам осуществлялось в тесном сотрудничестве с автором этих строк, что стало для нас драгоценным опытом. В эти годы идеи Карпца обретают широкое признание, их транслируют самые разные люди, зачастую даже не знавшие его имени, а иногда не желавшие его называть. Карпец приобретает репутацию «теневого мыслителя».

В 2015–2016 годах вновь происходит всплеск творчества: Карпец пишет десятки новаторских статей в газете «Завтра», публикует свои новые романы и повести в «Роман-газете» («Любовь и кровь», «Как музыка или чума») и в Интернете («Забывать-река», «Гиммлер»), создаёт сайты своей прозы и поэзии. Летом 2016 года он издаёт сборник избранных стихотворений за всю жизнь «Век века» (включая новую поэму «Торжество диалектики» по мотивам жизни и философии Э. В. Ильенкова) и готовит к печати острое и спорное историческое исследование под названием «Царский Род» (значительно переработанную «Русь Мироевееву» с несколько иным составом глав). Можно с уверенностью сказать, что, если бы не проблемы со здоровьем, В. И. Карпец успел бы сделать ещё многое: он планировал написать новый роман, готовил к публикации ещё ряд стихотворений.

После кончины мыслителя 27 января 2017 года мы осветили его основные заслуги в статье «Уроки лесного мудреца»³. Однако тогда для читателей остались непрояснёнными истоки взглядов Карпца. Сейчас эту задачу во многом удалось решить, хотя массив воспоминаний его родных, друзей, коллег поможет в дальнейшем реконструировать процесс становления общественно-политических воззрений и художественных принципов мыслителя и поэта более полно.

³ Медоваров М. В. Уроки лесного мудреца // Русская истина. — 2017. — 30 января. — URL: <https://politconservatism.ru/blogs/uroki-lesnogo-mudretsa-pamyati-v-i-karptsa> (дата обращения: 14.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. — М. : Новое литературное обозрение, 2007. — 448 с.

Глинка Ф. Н. Сочинения / сост., послесл., авт. коммент. В. И. Карпец. — М. : Советская Россия, 1986. — 349 с.

Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Карпец В. И. Институты самоуправления: историко-правовое исследование. — М. : Наука, 1995. — 301 с.

Гребенщиков А. Е. Адмирал Александр Семёнович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность: дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж : ВГУ, 2019. — 316 с.

Камчатнов А. М. Русский древослов Александра Шишкова. Лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. — СПб. : Нестор-История, 2018. — 365 с.

Карпец В. И. «Но корнем вглубь врезалась она...» // Осмысление: сб. литературно-критических статей. Вып. 2. — М. : Молодая гвардия, 1989. — С. 3–7.

Карпец В. И. Век века: стихотворения и поэмы разных лет. — М. : Триумф, 2016. — 273 с.

Карпец В. И. Верховная власть в России XVI–XVII вв. // Советское государство и право. — 1985. — № 9. — С. 108–114.

Карпец В. И. Высшие органы государственной власти Испании: дис. ... канд. юрид. наук. — М. : ИГиП АН СССР, 1981. — 160 с.

Карпец В. И. И мне равны и миг, и век... // Сочинения / Ф. Н. Глинка. — М. : Советская Россия, 1986. — С. 309–328.

Карпец В. И. Календарь: стихотворения и поэма. — М. : Молодая гвардия, 1980. — 31 с.

Карпец В. И. Муж отечестволюбивый: историко-литературный очерк. — М. : Молодая гвардия, 1987. — 94 с.

Карпец В. И. Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси. Идея верховной власти // Сборник научных трудов ВЮЗИ. Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. — М. : РИО ВЮЗИ, 1985. — С. 3–21.

Карпец В. И. Новая конституция Испании // Социальное развитие и право. — М. : ИГиП АН СССР, 1980. — С. 124–129.

Карпец В. И. Повесть о повести // Нижегородский купец: черно-белый альманах философии и литературы. № 1. — Н. Новгород : Дятловы Горы, 1998. — С. 26–52.

Карпец В. И. Русь Меровингов и корень Рюрика. — М. : Алгоритм; Эксмо, 2006. — 507 с.

Карпец В. И. Русь, которая правила миром, или Русь Мироеева. — М. : Олма-Пресс, 2005. — 461 с.

Карпец В. И. Символизм в политическом сознании: эпоха Московской Руси // Из истории развития политико-правовых идей / отв. ред. В. С. Нерсисянц. — М. : ИГиП АН СССР, 1984. — С. 58–68.

Карпец В. И. Социал-монархизм. — М. : Евразийское движение, 2014. — 594 с.

Карпец В. И. У врат незримого Кремля: стихотворения и поэмы, 1975–1995. — М. : Весть, 1995. — 48 с.

Карпец В. И. Утро глубоко: стихотворения, поэмы, повесть в стихах. — М. : Современник, 1989. — 108 с.

Карпец В. И. Фёдор Глинка: историко-литературный очерк. — М. : Молодая гвардия, 1983. — 111 с.

Карпец В. И. Соотношение централизации и местного управления в русском государстве XVI — начала XVII в. // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов / отв. ред. В. С. Нерсисянц. — М. : ИГиП АН СССР, 1986. — С. 61–69.

Карпец В. И., Николаев Г. Б. Третий Рим. Киносценарий // Литературная учёба. — 1994. — Кн. 3 (май — июнь). — С. 73–100.

Карпец В. И., Савин В. А. Новая конституция Испании // Советское государство и право. — 1979. — № 10. — С. 117–122.

Карпец В. И., Фокин В. Г. Свет над нами; Автобус из глубинки: стихи. — М. : Современник, 1985. — 63 с.

Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. — СПб. : БиблиоРоссика ; Бостон: Academic Studies Press, 2021. — 444 с.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2011. — 560 с.

Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова: дис. ... канд. ист. наук. — Томск : ТГУ, 2019. — 228 с.

Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. — М. : Наука, 1986. — 288 с.

Сведения об авторе:

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, 603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, e-mail: mmedovarov@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

M. V. Medovarov

THE NATIONAL RESEARCH STATE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD
NAMED AFTER N. I. LOBACHEVSKY, NIZHNY NOVGOROD, RUSSIA

Vladimir Karpets: the Formation of a Russian Thinker and Writer

Abstract. The article highlights the stages in the evolution of Vladimir Karpets' socio-political views. It also reveals the conditions of the formation of Vladimir Karpets as a thinker, basically at the early stage of his creative work from 1975 to 1995. Poems, historical and literary essays, publishing projects, and a dissertation by Vladimir Karpets are used as sources here. The ways in which the thinker promoted Orthodox and monarchical views against the background of the Soviet censorship are also shown. The article mentions the classics and contemporaries who influenced the formation of Vladimir Karpets' identity: his father Igor Karpets, Pyotr Palamarchuk, Tatyana Glushkova, Anatoly Ivanov, monarchists of the Perestroika era, Grigory Kremnev, Vladimir Mikushevich, Oleg Fomin, Alexander Dugin. All the poetry collections by Vladimir Karpets and the themes of his poems are considered. Attention is paid to his activity as a researcher and lecturer in law, his historical and legal studies of Russia and Spain. The article considers in detail the study by Vladimir Karpets of life and work of Admiral Alexander Shishkov and poet Fyodor Glinka, and traces the influence of their literary and religious views on the formation of Vladimir Karpets as a poet and thinker. The article states the features of monarchism according to Vladimir Karpets, his emphasis on the royal family natural succession, his interpretation of the Soviet period of history as a secret continuation of Russia's mission as Katechon Withholding. In this context, the published films and unpublished scripts by Vladimir Karpets for

1989–1992 are considered: “For Your Friends”, “The Third Rome”, “Name”, “Angel of Harvest”, “Khovanshchina”, “Morok” (“The Story of the Story”). The evolution of the thinker's views in the 1990s is discussed, including his reassessment of the Russian Church schism (dissent) in the 17th century. The article also tells about the translation activity of Vladimir Karpets, and represents a brief description of the subsequent evolution of Vladimir Karpets' thought during 1995–2016.

Keywords: Vladimir Karpets, russian orthodoxy, russian monarchism, soviet conservatism, Fedor Glinka, Alexander Shishkov

For citation: Medovarov, M. V. (2023). Vladimir Karpets: the Formation of a Russian Thinker and Writer. *Orthodoxia*, (1), 102–131. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-102-131

REFERENCES:

Altshuller, M. G. (2007). *Beseda liubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slavianofil'stva* [Conversation of Lovers of the Russian Word: At the Origins of Russian Slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].

Glinka, F. N. (1986). *Works*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [In Russian].

Grafsky, V. G., Efremova, N. N., Karpec, V. I. (1995). *Instituty samoupravleniya: istoriko-pravovoe issledovanie* [Institutions of Self-government: Historical and Legal Research]. Moscow: Nauka. [In Russian].

Grebenshnikov, A. E. (2019). *Admiral Aleksandr Semenovich Shishkov: obshchestvenno-politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatelnost'* [Admiral Alexander Semenovich Shishkov: Socio-political Views and State Activity] [Dissertation of Candidate of Historical Sciences]. Voronezh: VGU. [In Russian].

Kamchatnov, A. M. (2018). *Russkii drevoslov Aleksandra Shishkova. Lingvisticheskoe nasledie A. S. Shishkova v nauchnom i kul'turnom kontekste epokhi* [Russian Drevoslov of Alexander Shishkov. Linguistic Heritage of A. S. Shishkov in the Scientific and Cultural Context of the Era]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. [In Russian].

Karpets, V. I. (1980). *Kalendar': stikhotvoreniia i poema* [Calendar: Poems]. Moscow: Molodaya gvardiya. [In Russian].

Karpets, V. I. (1981). *Vysshie organy gosudarstvennoj vlasti Ispanii* [The Highest Bodies of State Power in Spain] [Dissertation of Candidate of Legal Sciences]. Moscow: Izd-vo IGI AN SSSR. [In Russian].

Karpets, V. I. (1983). *Fedor Glinka: istoriko-literaturnyi ocherk* [Fyodor Glinka: a Historical and Literary Essay]. Moscow: Molodaya gvardiya. [In Russian].

Karpets, V. I. (1984). Simvolizm v politicheskom soznanii: epokha Moskovskoi Rusi [Symbolism in the Political Consciousness: the Era of Muscovite Rus']. In *Iz istorii razvitiia politiko-pravovykh idei* [From the History of the Development of Political and Legal Ideas] (pp. 58–68). Moscow: Izd-vo IGI AN SSSR. [In Russian].

Karpets, V. I. (1985). Nekotorye cherty gosudarstvennosti i gosudarstvennoi ideologii Moskovskoi Rusi. Ideia verkhovnoi vlasti [Some Features of Statehood and State Ideology of Moscow Rus. The Idea of Supreme Power]. In *Sbornik nauchnykh trudov VluZI. Razvitie prava i politiko-pravovoi mysli v Moskovskom gosudarstve* [Collection of Scientific Works of VYUZI. Development of Law, Political and Legal Thought in the Muscovite State] (pp. 3–21). Moscow: RIO VluZI. [In Russian].

Karpets, V. I. (1985). Verkhovnaia vlast' v Rossii XVI–XVII vv. [Supreme Power in Russia in the 16th–17th Centuries]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 9, 108–114. [In Russian].

Karpets, V. I. (1986). I mne ravny i mig, i vek... [Both a Moment and a Century are Equal to Me...]. In *Glinka F. N. Works* (pp. 309–328). Moscow: Sovetskaya Rossiya. [In Russian].

Karpets, V. I. (1986). Sootnoshenie tsentralizatsii i mestnogo upravleniia v russkom gosudarstve XVI — nachala XVII v. [Correlation Between Centralization and Local Government in the Russian State of the 16th — early 17th Centuries]. In *Zakonomernosti vozniknoveniia i razvitiia politiko-iuridicheskikh idei i institutov* [Patterns of Emergence and Development of Political and Legal Ideas and Institutions] (pp. 61–69). Moscow: Izd-vo IGI AN SSSR. [In Russian].

Karpets, V. I. (1987). *Muzh otechestvoliubivyi: istoriko-literaturnyi ocherk* [Fatherland-loving Man: Historical and Literary Essay]. Moscow: Molodaya gvardiya. [In Russian].

Karpets, V. I. (1989). “No kornem vglub' vrezalas ia ona...” [“But She Cut Deep into the Depths ...”]. In *Osmyslenie: sb. literaturno-kriticheskikh statei. Vyp. 2.* [Comprehension: A Collection of Literary Critical Articles. Vol. 2] (pp. 3–7). Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Karpets, V. I. (1989). *Utro gluboko: stikhotvoreniia, poemy, povest' v stikhakh* [The Morning is Deep: Poems, the Story in Verse]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Karpets, V. I. (1995). *U vrat nezrimogo Kremliia: stikhotvoreniia i poetry, 1975–1995* [At the Gates of the Invisible Kremlin: Poems, 1975–1995]. Moscow: Vest'. [In Russian].

Karpets, V. I. (1998). Povest' o povesti [The Tale of the Tale]. In *Nizhegorodskii kupets: cherno-belyi al'manakh filosofii i literatury. № 1* [Nizhny Novgorod Merchant: Black and White Almanac of Philosophy and Literature. No. 1] (pp. 26–52). N. Novgorod: Dyatlovy Gory. [In Russian].

Karpets, V. I. (2005). *Rus', kotoraya pravila mirom, ili Rus' Miroveeva* [Rus' that Ruled the World, or Rus' Miroveeva]. Moscow: Olma-Press. [In Russian].

Karpets, V. I. (2006). *Rus' Merovingov i koren' Riurika* [Merovingian Rus and the Root of Rurik]. Moscow: Algoritm; Eksmo. [In Russian].

Karpets, V. I. (2014). *Sotsial-monarkhizm* [Social Monarchism]. Moscow: Evrazijskoe dvizhenie. [In Russian].

Karpets, V. I. (2016). *Vek veka: stikhotvoreniia i poetry raznykh let* [Age of the Century: Poems of Different Years]. Moscow: Triumph. [In Russian].

Karpets, V. I. Novaia konstitutsiia Ispanii [The New Constitution of Spain]. In *Sotsial'noe razvitiie i pravo* [Social Development and Law] (pp. 124–129). Moscow: Izd-vo IGiP AN SSSR. [In Russian].

Karpets, V. I., Fokin, V. G. (1985). *Svet nad nami; Avtobus iz glubinki: stikhi* [Light above us; Bus from the Outback: Poems]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Karpets, V. I., Nikolaev, G. B. (1994). Tretii Rim. Kinostsenarii [Third Rome. Film script]. *Literaturnaia ucheba*, 3 (May — June), 73–100. [In Russian].

Karpets, V. I., Savin V. A. (1979). Novaia konstitutsiia Ispanii [The New Constitution of Spain]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 10, 117–122. [In Russian].

Martin, A. (2021). *Romantiki, reformatory, reaktsionery: Russkaia konservativnaia mysl' i politika v tsarstvovanie Aleksandra I* [Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander the I of Russia]. St. Petersburg: BiblioRossika; Boston: Academic Studies Press. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2011). *Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka* [Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century]. Voronezh: Voronezh State University. [In Russian].

Polezhaeva, T. V. (2019). *Religioznye osnovaniia konservativnoi kontseptsii A. S. Shishkova* [Religious Foundations of the Conservative Concept of A. S. Shishkov]. [Dissertation of Candidate of Historical Sciences]. Tomsk: Tomsk State University. [In Russian].

Razvitie russkogo prava v XV — pervoi polovine XVII v. [The Development of Russian Law in the XV — the first half of the XVII Centuries]. (1986). Moscow: Nauka. [In Russian].

About the author:

Maxim Viktorovich Medovarov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Technologies in Humanitarian Studies, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 23, Gagarin prospect, Nizhny Novgorod, Russia, 603950, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.